

Теоретико-методологические основания применения экономического исследования мотивационной и поведенческой сферы в психологических теориях

А.А. Розанова^а, Ф.И. Розанов^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^а rozanas@ya.ru, ^б firoz@ya.ru

Статья поступила 02.09.2020, принята 11.09.2020

В статье рассматривается вопрос о теоретико-методологических основаниях формализации исследования сферы поведения социальных акторов через интерпретацию социальной активности как результата действия ограниченного и количественно измеряемого комплекса факторов глубинной психологической сферы (мотивы, желания, потребности, инстинкты) и внешней социальной среды. Анализируется модель репрессивного формирования социального поведения через нормативно-ценностное ограничение стремления людей к удовлетворению своих потребностей и сублимации их внутренних мотивов в социально полезную активность. Обосновывается принципиальная возможность и перспективность применения экономических методов и моделей к описанию и исследованию поведенческой сферы социальных акторов.

Ключевые слова: мотивация; инстинкты; потребность; психика; формализация; экономический анализ; системный подход; психоанализ; фрейдизм; марксизм; социальная инженерия.

Theoretical and methodological foundations for the application of economic research of the motivational and behavioral spheres in psychological theories

A.A. Rozanova^a, F.I. Rozanov^b

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^a rozanas@ya.ru, ^b firoz@ya.ru

Received 02.09.2020, accepted 11.09.2020

The article considers the issue of the theoretical and methodological foundations of the formalization of the study of the sphere of behavior of social actors through the interpretation of social activity as a result of the action of a limited and quantitatively measurable complex of factors of the deep psychological sphere (motives, desires, needs, instincts) and the external social environment. The article analyzes the model of the repressive formation of social behavior through the normative-value limitation of people's desire to satisfy their needs and the sublimation of their internal motives into socially useful activity. The fundamental possibility and prospects of applying economic methods and models to the description and study of the behavioral sphere of social actors are substantiated.

Keywords: motivation; instincts; need; psychic; formalization; economic analysis; system approach; psychoanalysis; freidism; marxism; social engineering.

Одной из самых важных проблем экономического анализа является вопрос о мотивации, внутренних побуждающих причинах и идеологической основе социального поведения человека [2, с. 82]. Именно мотивационная сфера является источником фундаментальных сил социальной и экономической активности, а именно эта сфера определяет характер и форму социально-экономического взаимодействия [2, с. 83]. В то же время, данная сфера выходит за рамки возможностей узкоспециальных экономических теорий,

носит междисциплинарный характер и может быть решена только в совместном приложении усилий широкого спектра как социально-гуманитарных наук, так и естественнонаучных исследований, обеспечивающих непосредственный фактологический материал для экономических теорий и возможность их экспериментальной проверки.

Наиболее четко проблема мотивации социальной активности и психологических механизмов поведения была поставлена в психологическом

направлении социальных исследований, ключевыми теоретиками которого стали Л. Уорд, Г. Тард и В. Парето. Л. Уорд стал основоположником социологии в США, взяв за основу эволюционистские идеи Г. Спенсера и О. Конта. Однако он сместил фокус исследовательской парадигмы с биологических факторов поведения на психологические механизмы и поставил целью раскрытие именно психологических причин социальной активности человека как основы механизмов общественного развития. Самим Л. Уордом эта установка была выражена в следующей форме: «Социальные силы суть силы психологические и заключаются в умственной природе индивидуальных членов общества» [18, p. 35].

В качестве основополагающей для социальной теории, по мнению Л. Уорда, должна быть проблема выявления и определения фундаментальных причин и движущих сил социальной активности [18, p. 24]. Этими силами, с его точки зрения, являются желания и воля. Базовые, основополагающие желания определяются естественным стремлением людей как биологических существ к удовлетворению генетически предопределенных потребностей в еде, доминировании, размножении, безопасности и т. д. Желания и потребности более высокого порядка являются уже производными от них, т. е. формируются как более сложная форма удовлетворения тех же базовых потребностей, но в виде политической активности, разного рода творчества, эстетических, морально-нравственных, религиозных желаний и т. д. [18, p. 59].

Как показано в многочисленных психологических и психоаналитических исследованиях, да и как мы хорошо знаем на примере собственного опыта, практически всегда желания и воля человека действуют в поведении человека спонтанно и импульсивно [11, с. 35]. Даже если сознание участвует в мотивационной активности, это участие осуществляется *post factum* — как осознание уже возникшего желания и стремления, как попытка осознать уже действующие психические силы, но не как первопричина. И осознание этих сил, которое, заметим, происходит далеко не всегда, совершенно не означает контроля над ними. С точки зрения Уорда, именно в этом заключается фундаментальная проблема социальной теории, состоящая в объяснении того, каким образом происходит самоконтроль человека над своим поведением в соответствии с требованиями окружающего его социума и, наоборот, каким образом социум создает условия и механизмы контроля над поведением составляющих его социальных элементов в соответствии со своими интересами и требованиями [11, с. 128]. Понимание этих механизмов является ключом к пониманию как законов индивидуальной социальной актив-

ности человека, так и законов всеобщей социальной эволюции.

Еще дальше в оценке фундаментальной роли понимания психологических механизмов человеческого поведения для социальной теории шел французский ученый Г. Тард. По его мнению, социология является ничем иным, как «простой социальной психологией», поскольку именно психологический настрой является движущей силой поведения социальных акторов и на более высоком уровне определяет функционирование образующих ими социальных групп [8, с. 15].

Тард прозорливо отмечал, что в процессе социального взаимодействия людей неизбежно происходит наблюдение за действиями друг друга и копирование соответствующих поведенческих моделей, частично или целиком. Это подражание друг другу как отдельных акторов, так и целых социальных групп приводит к взаимному копированию не только непосредственно самих моделей поведения, но и перениманию нормативно-ценностных правил [8, с. 97]. В результате же такого взаимного копирования правил, моделей и форм социального взаимодействия происходит их автоматическое взаимное согласование с последующим формированием всеобщих общегрупповых, общесоциальных или даже общецивилизационных нормативно-правовых моделей и, говоря шире, культуры в целом. Именно эти нормативно-ценностные правила, формирующиеся на основе свободного социального взаимодействия, становятся основой как индивидуального личностного развития, так и ключевым фактором эволюции социума в целом [8, с. 163].

Хотя так далеко в своем анализе Тард не заходил, мы можем сделать следующий логический шаг и признать, что выявленные им механизмы социального подражания имеют экономический характер. Конкуренция мотивов и желаний внутри психики человека легко интерпретируется и описывается экономически, а конечная линия воли и поведения представляет собой сумму векторов действующих биологических потребностей, внутриспсихических сил и внешних факторов среды, что тоже легко описывается экономическими моделями конкуренции. Этими же конкурентными принципами описывается взаимодействие людей друг с другом, человека и группы, где конкуренция возникает уже между интересами человека и интересами группы, которые представляют собой, аналогично, сумму векторов интересов составляющих ее членов.

Когда мы рассматриваем психологические механизмы взаимодействия человека с социальным окружением, то принятие или непринятие наблюдаемых моделей поведения происходит в соответствии с оценкой их выгоды или невы-

годности для человека в соответствии с интуитивным или рациональным расчетом баланса возможной полезности данных моделей поведения, затрачиваемых на их реализацию усилий и возможных потерь при изменении уже существующей модели поведения. Формирование новых моделей поведения, их внедрение и распространение среди других людей и социальных групп может рассматриваться как инновационный процесс, поскольку данные модели проходят критическую оценку и апробацию практикой на предмет своей эффективности и полезности и принимаются людьми или группами в том случае, если позволяют рационализировать и оптимизировать поведение, получая больше выгоды при меньших затратах, что также может эффективно описываться соответствующими экономическими моделями.

Выдающийся социальный мыслитель В. Парето считал недопустимыми любые спекуляции и умозрительные построения при изучении социальной и настаивал на необходимости применения научной логики и экспериментальных методов для получения точных опытных фактов. Такие социальные факты лежат в фундаментальной сфере социальных отношений — элементарных актах взаимодействия людей, так как именно в непосредственном межличностном взаимодействии и порождается вся сложность и многообразие социальных явлений и процессов [4, с. 54].

По классификации Парето, все социальные действия разделяются на «логичные» и «нелогичные» [4, с. 62]. К первым относятся те действия, которые осознаются людьми и могут быть ими логически обоснованы. Во вторую группу включаются действия, детерминированные внутренним психическим состоянием людей, определяемым их естественными потребностями, желаниями, мотивами и т. д. Но, как и все сторонники психологического направления, Парето отмечает, что именно нелогичные действия являются определяющими в поведении людей [4, с. 71]. Хотя они не осознаются и не контролируются — именно они в определяющей степени лежат в основе человеческих поступков и определяют характер социальных отношений.

Однако детальный анализ понятия «нелогичности» показывает, что вне логики данный тип действий находится для самого человека — актора социального взаимодействия. По причинам психологического и физиологического характера человеку сложно либо невозможно объективно наблюдать причины и механизмы собственной психической активности. Для внешнего же наблюдателя таких ограничивающих факторов нет, и у него есть возможность объективного понимания причин и механизмов психической деятельности актора, а также порождаемой ею соци-

альной активности. Таким образом, мы приходим к пониманию принципиальной возможности объективного рассмотрения сферы внутрилличностных психологических процессов как результата действия сил и факторов.

Как писал сам Парето, «человеческие действия имеют закономерный характер, и потому мы можем делать их предметом научного исследования» [6, с. 7]. Позднее Парето в своих исследованиях пошел дальше и разработал всемирно известную теорию элит, показывающую, что психическая активность людей и их индивидуальные психологические особенности являются тем фундаментом, на котором зиждется весь процесс социального взаимодействия и эволюционно-исторических изменений цивилизации [5, с. 65].

Формализация данной сферы возможна на основе понимания нескольких принципов. Во-первых, одинаковость мотивационной сферы у всех людей — каждый человек имеет определенный набор заложенных природой и скорректированных обществом мотивов, как и любой другой человек. Соответственно, наличие базового набора мотивов и их характеристика являются константой. Во-вторых, у каждого индивида мотивы сильно различаются по степени выраженности и интенсивности, что обусловлено разной силой инстинктов, физиологической доминантой тех или иных потребностей, выраженностью тех или иных способностей. В-третьих, каждый человек находится под влиянием уникального комплекса конкретно-исторических условий, влияющих на его поведение и определяющих развитие поведенческих моделей в принципе. Эти условия наблюдаемы и определяемы с помощью экологического, исторического, психологического, климатогеографического анализа и т. д.

Все эти факторы и параметры как внутреннего, так и внешнего рода, определяют неравномерность распределения способностей и возможностей среди людей. Следствием этого являются естественная неоднородность самого общества и конкуренция между людьми за социальное положение и доступ к ресурсам. Поскольку именно власть, независимо от формы ее проявления и реализации, обеспечивает максимальный доступ к ресурсам, люди конкурируют именно за нее — так как фактически определение власти и есть контроль над ресурсами. Вследствие конкуренции люди меняют свое положение в социальной иерархии, и это относится к любой сфере — политике, экономике, науке, культуре, семейным, личным отношениям. И, как совершенно очевидно, и сами параметры, определяющие степень возможностей людей, и факторы, определяющие их положение в социальной иерархии, и доступность ресурсов, и конкурентные отношения за

доступ к ресурсам — в такой интерпретации все это вполне формализуемо и может эффективно анализироваться с помощью соответствующих экономических методов.

Еще более глубокий анализ психологических основ социального поведения был реализован в рамках психоаналитического направления. Его теоретики сосредоточили свое внимание на исследовании сферы бессознательного и на том, как она определяет поведение отдельных индивидов и социальные процессы в целом [1, с. 325]. По своей сути психоанализ является следующим уровнем исследования мотивационной сферы по сравнению с психологией, поскольку обращается к более глубоким, биологическим, инстинктивным основам человеческого поведения. С одной стороны, психоанализ склонен к биологизаторству, поскольку минимизирует роль социальных факторов в анализе человеческого поведения, а в качестве его движущих сил называет биологические потребности и инстинкты [1, с. 327]. С другой стороны, любое психоаналитическое исследование неразрывно связано с анализом факторов социальной среды, в рамках которой формируется психика человека и которые определяют как внешние формы поведения социального актора, так и глубинные мотивы этого поведения.

Логическим мостиком между биологическим и социальным в психоанализе является теория сублимации, позволяющая интерпретировать как различные формы социального поведения, так и культурно-цивилизационные процессы вообще — как результат специфической трансформации биологической природы человека через давление социальной среды. С точки зрения основоположника психоанализа З. Фрейда, культура представляет собой репрессивную силу, которая посредством давления моральных и нравственных норм, формализованных и выраженных через традиции, религиозные или политические принципы, подавляет естественное проявление влечений и инстинктов людей [9, с. 44].

Сублимация является результатом диалектического противодействия естественных потребностей и желаний человека с исторически сложившимися в обществе культурными ограничениями. Не имея возможности удовлетворить свои желания напрямую, человек вынужден искать другие формы и способы социальной активности, которые будут социально приемлемыми [10, с. 423]. Таким образом, сублимация представляется как фундаментальный механизм личностного развития индивида, выражающегося через усвоение социально приемлемых правил поведения. И одновременно как механизм функционирования общества и развития цивилизации в целом, поскольку через сублимацию происходит воспроизводство социальных

норм и правил поведения, а через неизбежное противостояние и противоборство индивидуумов с общественным давлением — развитие и совершенствование культуры и цивилизации, что хорошо было показано в своих исследованиях К. Юнгом, учеником Фрейда и вторым основоположником психоанализа (в его интерпретации — аналитической психологии) [13, с. 83].

Продолжение данного исследовательского направления было реализовано в так называемом психокультурном фрейдизме, наиболее значимым представителем которого был Э. Фромм. Соглашаясь с важностью сферы бессознательного, он переносит фокус внимания на исследование общественно обусловленных факторов социальной активности [12, с. 43]. По мнению представителей данного направления, гораздо менее изученным, но не менее важным является вопрос о детерминированности и обусловленности смыслов поведения и лежащих в их основе мотиваций социальными связями, социально-экономическими условиями, культурной и материальной средой [12, с. 87]. Благодаря исследованию этой проблематики им удалось показать, что культурная среда и экономические условия определяют не только рациональные формы человеческого поведения, но и в значительной степени детерминируют его бессознательное — как индивидуальное, так и коллективное [12, с. 91].

Такая позиция дает теоретико-методологические основания для разработки подходов и технологий управления механизмами психического развития и психического функционирования человека, вплоть до определения формы и содержания бессознательного, через формирование соответствующих внешних средовых условий. Понятно, что это пока лишь гипотетическая возможность, но практические попытки такого рода мы уже наблюдаем во множестве, когда они реализуются через технологии анализа интернет-активности людей и их социальных профилей в *Big Data* с выявлением характерных поведенческих паттернов [17]. Такие технологии активно применяются как различными социальными сетями, так и информационно-технологическими корпорациями и спецслужбами [16]. Пока что речь идет о чисто прикладных технологиях, но в перспективе логично ожидать интереса к технологиям «психического программирования», которые потребуют соответствующего теоретического осмысления.

Сам Фромм во многих своих трудах, например, «Бегство от свободы» или «Иметь или быть», говорит о необходимости совершенствования социума [14, р. 18]. Это совершенствование он видит в более глубоком понимании природы человека, сил и механизмов его поведения и создании условий для полноценного удовлетворения человеком его

естественных природных и социальных потребностей. Именно в этом состоит главное условие творческого развития, свободы, осмысленности жизни и, как следствие, счастья человека, а значит и эффективности самого социума [14, p. 188].

Наиболее глубоко к исследованию проблемы создания общественных условий удовлетворения личных потребностей человека подошли сторонники фрейд-марксизма, наиболее известными представителями которого являются В. Райх и Г. Маркузе. Теоретиков этой школы зачастую упрекают в эклектичном сочетании психоанализа Фрейда с экономической теорией Маркса. Однако, с нашей точки зрения, данное направление социальной мысли просто опередило свою эпоху, и значение многих его положений становится актуальным и очевидным только сейчас, в свете последних тенденций цивилизационного развития.

В рамках данной теории утверждается, что имеющие бессознательную природу влечения и инстинкты являются тем источником энергии, который питает и наполняет смыслом любого рода социальную активность человека [15, p. 45]. Определяющими силами являются либидо — как половое влечение и стремление к размножению и мортидо — как инстинкт агрессии и стремление к доминированию [15, p. 54]. Сублимируясь, данная психическая энергия принимает различные формы, актуализируется и реализуется разными путями. И именно эти механизмы сублимационного перенаправления инстинктивных сил порождают сложные формы социального поведения, становясь источником стремления к власти, признанию, одобрению, творчеству и т. д. [7, с. 36]. По сути, сторонники данного направления утверждают принцип трансформации энергии влечений и инстинктов в социально полезную энергию труда. А процесс исторической эволюции социума при таком подходе интерпретируется как перманентная борьба между стремлением человека к максимизации собственного наслаждения и удовлетворенности и противодействующими этому репрессивными силами цивилизации.

В своих исследованиях сторонники фрейд-марксизма обосновывают концепцию, получившую условное название «секс-экономики» [7, с. 53]. Речь в ней идет не о сексе в обыденном понимании, а о доминанте в поведении людей фундаментальных биологических инстинктов, определяющим и наиболее проблемным среди которых, естественно, является стремление к размножению. Но важность других инстинктов, и в значительной степени мортидо как проявления агрессии, также не отрицается. Просто в силу естественной организации социальных отношений удовлетворение половой потребности требует сложных социальных действий и связано с огромным количеством

социокультурных факторов, вследствие чего требует от человека сложных форм поведения. В то время как удовлетворение других потребностей подвергается гораздо меньшему социальному контролю и имеет радикально меньший уровень культурной и нормативной репрессии.

Так или иначе, очевиден тот факт, что потребности являются движущей силой человеческого поведения, и активность любого человека направлена на удовлетворение имеющихся у него потребностей. Соответственно, любая социальная ценность и любое общественное благо должны оцениваться в соответствии с их реальной или потенциальной ценностью для удовлетворения потребностей человека. Логичным выводом является факт, что социальная справедливость и гармония должны пониматься как максимально эффективное удовлетворение потребностей людей, где критерием удовлетворенности будут не абстрактные и спекулятивные понятия «общественного блага», а степень реальной удовлетворенности естественных желаний и потребностей.

Традиционный вариант культуры, господствующий в современном мире, основывается на насильственном подавлении естественных проявлений личности и репрессивном контроле естественных потребностей, что вызывает их искажение и сублимацию. Сложность этой ситуации заключается в том, что эти искажение и сублимация в конечном итоге и порождают всю культуру и цивилизацию — как в формальном, так и в содержательном смысле. Репрессивный механизм является имманентным свойством культуры, поскольку без него она бы просто не возникла и не развивалась бы, так как в конечном итоге высший смысл репрессивного контроля — в нахождении тех норм общественного контроля над личностью и тех форм индивидуального поведения, при которых общество было бы максимально эффективным и наиболее рационально организовывало индивидуальную активность социальных элементов. Проблема в этой ситуации, которую обнаружил и обозначил фрейд-марксизм, заключается в том, что максимальная общественная эффективность отнюдь не означает личного счастья человека, и невозможно создать в полной мере эффективное общество, если репрессивные механизмы будут лишать человека удовольствия, отсрочивать его во времени, искажать и извращать формы и способы его получения [3, с. 87].

Проведенный в результате исследований анализ существующих психологических теорий поведения позволяет сделать ряд предварительных выводов о перспективах применения их теоретико-методологических принципов к экономическому исследованию поведенческой сферы:

1. В психологии и психоаналитических направ-

лениях существует большой теоретико-методологический базис, позволяющий описать, объяснить и исследовать глубинную мотивационную сферу социального поведения на разных уровнях — от фундаментальных физиологических процессов, обуславливающих действие инстинктов, до психических механизмов, сформированных действием культурной, социально-экономической среды или эволюционно-историческим процессом формирования социума.

2. Описание поведения человека как результата действия определенного ограниченного набора биологических сил, трансформирующихся под действием фиксируемых в наблюдении внешних факторов среды, дает основание для разработки соответствующих методов формального описания, измерения и моделирования психических процессов в их поведенческом выражении.

3. Процессы взаимодействия инстинктов, желаний, потребностей носят конкурентный характер, что позволяет применить к их описанию и исследованию экономические модели и методы. Аналогично механизмы репрессирования и сублимации потребностных сил факторами социокультурной среды тоже носят характер конкуренции и так же эффективно описываются экономическими моделями.

4. Понятия потребительской привлекательности и ценности могут быть пересмотрены в сторону объективизации их оценки в соответствии со степенью реальной удовлетворенности потребностей. Могут быть разработаны методы прямой экспериментальной и усредненной статистической оценки ценности товаров или услуг в соответствии с оценкой реальной психофизиологической удовлетворенности экономических акторов.

5. Возможность формализации описания психических сил и механизмов, лежащих в основе поведения акторов, вкупе с возможностью объектив-

ной оценки степени их удовлетворенности дают основания для разработки методов оценки степени эффективности социальных систем — как отдельных организаций, так и целых социальных институтов и общества в целом.

6. Возможность выхода социальной инженерии на качественно новый уровень за счет разработки формальных методов и моделей описания и исследования поведения людей, обладающих высокой предсказательной силой, позволяющих, с одной стороны, эффективно определять поведение людей за счет гибкого управления параметрами окружающей их социальной среды, а с другой стороны, осуществлять проектирование и создание социальных групп с заданными свойствами.

Таким образом, мы видим, что обращение к психологическим и психоаналитическим теориям социального поведения позволяет, с одной стороны, найти теоретико-методологические основания для формализации исследования фундаментальных сил и механизмов социально-психологических явлений и мотивационной сферы поведения и применить к их исследованию широкий комплекс экономических методов. С другой стороны, понимание внутренней механики психических процессов и формализация исследования поведенческой сферы должны стать колоссальным прорывом в экономической теории и экономической практике и привести к настоящей революции за счет радикального повышения эффективности менеджмента, маркетинга, социальной инженерии. Особенно перспективными эти исследования представляются в свете того бурного прогресса, который происходит в сфере информационно-коммуникационных технологий и обусловленных этим возможностей с учетом кумулятивного эффекта от применения технологий анализа *Big Data*, нейросетей, искусственного интеллекта и т. д.

Литература

1. Антология современного психоанализа / под ред. А.В. Россохина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2000. Т. 1. 488 с.
2. Мазин А., Шагалова Т., Кабанов В. Развитие комплексной оценки мотивации персонала в экономической системе // Управление персоналом. 2008. № 19. С. 82–85.
3. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: пер. А.А. Юдин. М.: АСТ, 2003. 528 с.
4. Парето В. Компендиум по общей социологии: пер. с итал. А.А. Зотова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
5. Парето В. Трансформация демократии. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2011. 207 с.
6. Парето В. Чистая экономия: монография. Репринтное воспроизведение издания 1912 г. М.: ИНФРА-М, 2011. 13 с.
7. Райх В. Сексуальная революция. М.: АСТ, 1997. 352 с.
8. Тард Г. Законы подражания: пер. с фр. Ф. Павленков. М.: Академический проект, 2011. 304 с.
9. Фрейд З. Недовольство культурой: перевод с нем. Харьков: Фолио, 2013. 220 с.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия: перевод с нем. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2001. 615 с.
11. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. М.: Наука, 1991. 456 с.
12. Фромм Э. Бегство от свободы: пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М.: Прогресс, 1990. 269 с.
13. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
14. Fromm E. To Have or To Be? New York: Open Road Media, 2013. 215 p.
15. Lyotard J.-F. Libidinal Economy. Indiana: Indiana University Press, 1993. 275 p.
16. Manovich L. Trending: the Promises and the Challenges of Big Social Data [Электронный ресурс]. URL: <http://>

- www.manovich.net/DOCS/Manovich_trending_paper.pdf (дата обращения: 11.09.2020).
17. Swan M. Philosophy of Big Data Expanding the Human-Data Relation with Big Data Science Services [Электронный ресурс]. URL: http://www.melanieswan.com/documents/Philosophy_of_Big_Data_SWAN.pdf (дата обращения: 11.09.2020).
18. Ward L.F. Applied Sociology: A Treatise on the Conscious Improvement of Society by Society. London.: Ginn, 1906. 384 p.